

Копенкина Юлия Владимировна

ведущий специалист отдела экспертизы
и мониторинга ООО «Инконсалт К»

**РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА
ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация:

В статье представлен анализ отечественной системы образования, осуществляемый на фоне опыта Запада и Востока. Позиционируя систему образования как матрицу, обуславливающую становление российской ментальности, автор делает ставку на философию образования. Последняя являет собой опыт достижения единства познавательного и этического, рационального и эмоционально-чувственного начал, реализуемых в пространстве диалога сознаний, объективация которого опознается на уровне диалектики смысла и значения.

Ключевые слова:

Россия, Восток, Запад, философия образования, текст культуры, значение, смысл.

Kopenkina Yulia Vladimirovna

Leading Expert, Expert Examination
and Monitoring Department, "Inconsalt K" LLC

**THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM
IN THE CONTEXT OF
GLOBALIZATION:
PROBLEM STATEMENT**

Summary:

The article analyses domestic system of education against a background of experience of the West and the East. Considering the education system as a matrix determining the Russian mentality, the author focuses on the philosophy of education. The latter is some experience of achieving the unity of informative and ethical, rational and emotional-sensual principles implemented in the space of dialogue of identities, which objectivation is recognized at the level of dialectics of meaning and value.

Keywords:

Russia, East, West, education philosophy, text of culture, value, meaning.

Нельзя не признать, что в эпоху глобализации происходит унификация основных социально-политических процессов, а вместе с ними и институтов, формирующих единство приемлемых для всех граждан ценностей. Вместе с тем проявляется тенденция, обратная глобализации: имеется в виду сохранение культурной идентичности представителя конкретной социальной общности. Системы образования разных стран не остались в стороне от этих изменений.

Специально оговорим, что в данном контексте под системой образования понимается матрица, обуславливающая становление российской ментальности, которая в противоположность менталитету как социальному феномену позиционируется в качестве феномена индивидуально-личностного [1]. Допустимость подобного опыта оправдана тем обстоятельством, что именно дети и молодежь представляют собой самую уязвимую часть общества. Так, не является секретом тот факт, что с возрастом психологическая гибкость субъекта культуры утрачивается. Соответственно, не желающие поступаться своими принципами «деды» нередко идут на конфликт с «отцами», которые с разной степенью успешности предпринимают попытки адаптироваться к новым условиям. В свою очередь, практически безболезненно перестраивающиеся «дети» вступают в противоречие с «внуками». Заметим, лишь для последних существующая реальность предстает единственно возможной, а потому оптимальной для жизнедеятельности. При этом скорость изменения ментальности зависит от скорости смены поколений.

Отдавая себе отчет в том, что именно образование закладывает фундамент культурной идентичности россиян, заметим, что в современном мире существуют две глобальные образовательные системы: восточная и западная. Традиционно Запад и Восток противопоставляются по следующим характеристикам:

- прогресс – консерватизм;
- нестабильность – стабильность;
- индивидуализм – коллективизм;
- материальность – духовность;
- научность – иррациональность;
- изменение среды обитания – изменение самого человека;
- искусственность – естественность;
- рациональность – чувственность;
- антропоцентризм – теоцентризм и т. д.

Вне всяких сомнений, различия между западной и восточной культурами определяют и специфику развития их систем образования. Если в западной системе образования преобладает индивидуальный принцип обучения, а школа выполняет чаще всего не столько образовательные, сколько социальные функции, то в восточной системе обучение основано на групповом подходе, в рамках которого упор делается на академические дисциплины. При этом задачей западной философии образования является подготовка человека к реализации всех его возможностей с целью преобразования внешнего мира. Напротив, восточная философия считает эту цель опасной как для человека, так и для общества, потому в центре философии образования Востока – преобразование внутреннего мира субъекта в опоре на традиции и нормы, характерные для конкретного этноса.

Проанализировав обе системы образования, М.С. Ашилова пришла к выводу о том, что «важными чертами восточного образования выступают традиционализм, преимущество знаний, направленных не только на сохранение достижений предшествующих поколений, но и их приумножение, углубление интуиции предков. Если в западноевропейской культуре и системе образования традиция рассматривалась как нечто косное, застывшее, неизменное, консервативное, то в восточной традиция выступает особой исторической реальностью, “духовным уподоблением ученика учителю”» [2, с. 142].

Примечательно, что наряду с бережным отношением ко всему традиционному восточные страны склонны заимствовать, совершенствовать и адаптировать западноевропейский опыт. Вместе с тем они изучают и советскую систему образования (как в Японии, так и в Китае), в которой ищут пути преодоления негативных последствий западных методик обучения. В частности, анализ теории и практики образования в СССР предлагает в своей книге «Философия образования в СССР» Т. Ягава, делая акцент на воспитательной работе наших соотечественников. Вместе с тем одобрение со стороны представителей восточного мира получила и концепция гармоничного развития личности, которая включает в себя моральное и эстетическое воспитание, а также интеллектуальное, физическое и художественное совершенствование.

Насколько сегодня отечественная философия образования оказывается востребованной представителями российской научной школы?

Несмотря на то что повышенный интерес к философии образования среди представителей гуманитарного знания в большей степени проявляют собственно философы, педагоги (теоретики и практики), а также культурологи, нельзя не признать важность следующего момента. Многочисленные дискуссии, связанные с обозначенным феноменом, с очевидностью доказывают, что единой точки зрения на предмет того, что такое философия образования, не существует. Потому, раскрывая суть философии образования, остановимся на следующей трактовке данной категории. Философия образования являет собой опыт по согласованию самого разного рода противоречий, в первую очередь противоречий, с неизбежностью возникающих между рациональным и эмоционально-чувственным, вербальным и невербальным. Речь идет о диалоге сознаний.

Верность предложенной точки зрения становится очевидной в аспекте социокультурной динамики, в контексте которой происходило становление философии образования в России [3]. Свое начало интересующий нас феномен берет с опубликованной в 1896 г. в журнале «Вестник воспитания» статьи К.Н. Вентцеля. Наш вывод базируется на том основании, что именно в этой статье – имеется в виду работа «Основные задачи нравственного воспитания» – отечественный мыслитель закладывает фундамент «космической педагогики». Цель такой педагогики – достижение субъектом образования целостности психической жизни, характерной чертой которой становится гармония внешнего (социум) и внутреннего (личность) [4].

Аналогичным образом Д.Л. Андреев связывал процесс «воспитания человека облагороженного образа», с одной стороны, с «возвышением уровня души», с другой – со становлением «умственного облика» человека. Его отличие от того, чей образ не облагорожен, определяется «навыками самостоятельного мышления и интеллектуальной независимостью» [5, с. 694]. Точно так же стремление к созданию оптимальных условий для формирования целостной личности, отмеченной единством природного, индивидуального и социального начал, становится главным для М.М. Рубинштейна – отечественного мыслителя, в центре исканий которого находится практическая философия [6].

Согласимся, по сути, упомянутое ранее единство рационального (вербального) и эмоционально-чувственного (невербального), просматриваемое в образовательных концепциях Андреева, Вентцеля и Рубинштейна, подводит нас к философии поступка М.М. Бахтина, реализация которого осуществляется в пространстве диалога. Примечательно, что диалогическое пространство одновременно вбирает в себя и диалог, протекающий во внутреннем мире субъекта, и диалог внешний. Их взаимообусловленность и нераздельность в ситуации, которая исключает диссонанс между тем, что человек думает, говорит и делает, позволяет в одном случае констатировать актуализацию «внутренней социальности» (В. Махлин), в другом – социальности внешней.

Подобное положение дел оказывается вполне допустимым вследствие того, что «ответственный поступок один преодолевает всякую гипотетичность, ведь ответственный поступок есть осуществление решения – уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок – последний итог, всесторонний и окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и *уже последнем контексте* и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо все входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в *единственность раз и навсегда*» [7, с. 33].

Поскольку в случае с концепцией М.М. Бахтина поступающее или иначе – участное сознание реализует себя в актуализации этического момента текста, понятно, что с наибольшей полнотой состоятельность диалога сознаний как единство упомянутых ранее начал осуществляется в работе с текстами культуры. Принимая во внимание мысль А.А. Брудного, согласно которому текст культуры есть не что иное, как связанная последовательность знаков, развернутая по стреле времени и в принципе доступная пониманию [8], сделаем следующее предположение. Вовлеченные в процесс образования тексты культуры с необходимостью должны включать в себя как вербальные (словесные) и невербальные (музыкальные, изобразительные и т. п.), так и синтетические художественные тексты. В последнем случае имеются в виду тексты, основанные на взаимодействии двух или более видов искусства, в числе которых анимация, кинематограф, балет и т. п. [9].

Подобный опыт видится тем более важным, что столь значительное для диалогической концепции гуманитарного знания М.М. Бахтина со-бытие познавательного и этического в действительности может быть спроецировано на все сферы человеческого бытия. В частности, если одно из определений жизни может быть представлено как путь от незнания к знанию (познанию), то этический поступок есть индивидуальный опыт прохождения такого пути, т. е. личностное переживание этой жизни. На пересечении одного и другого рождается судьба конкретного человека, которая если и повторяет чьи-то судьбы, то не дословно, как нет слепого повторения в словах Христа или Будды, Кришны или Мохаммеда. Неслучайно поэтому мир, откуда ушли Христос, Будда, Кришна, Мохаммед, «уже не будет тем миром», где их никогда не было, «он принципиально иной» [10, с. 23].

Сходная аналогия угадывается также в соотношении языка как области познания и речевой собственности языковой личности как этического поступка (заметим, что речь в данном случае противостоит болтовне, которая являет собой лишенную смысла «словесную шелуху»). Другими словами, приобщаясь к доступному для каждого из нас миру «равнодушных значений» (А.Н. Леонтьев), субъект речи открывает в нем «значение для меня» (А.Н. Леонтьев). Будучи объективированным, такое «значение для меня», или что то же – личностный смысл, для вступающего со мной в диалог собеседника вновь опознается на уровне «равнодушного значения», т. е. попадает в разряд того «строительного материала», из которого каждый из участников речевого общения может открыть свой личностный смысл. Отмеченный взаимопереход «равнодушного значения» в «значение для меня» происходит в полном соответствии с бахтинской диалектикой текста и контекста, данного и созданного, познавательного и этического как основополагающим принципом диалога сознаний. Напомним, что последний предполагает единство познания и поступка, рационального и эмоционально-чувственного, вербального и невербального.

Отвечая на поставленный ранее вопрос о том, насколько сегодня отечественная философия образования оказывается востребованной представителями российской научной школы, мы вынуждены признать лишь одно. Поскольку в настоящее время философия образования оказывается одной из самых проблемных областей гуманитарной парадигмы, ждать конкретных результатов ее использования в обозримом будущем не приходится, тем более что и предложенное в настоящей статье авторское видение сути данного феномена лишь пунктиром намечает один из возможных приемов актуализации данного феномена.

Однако, принимая во внимание обстоятельство, согласно которому «Запад – это линейное время, горизонтальные отношения, внутренняя (непроявленная) духовность; Восток – цикличное время, вертикальные отношения, внешняя (проявленная) духовность» [11], важно отдавать себе отчет в следующем. Именно России, занимающей срединное положение между Западом и Востоком, суждено воплотить единство того и другого. В данном случае наша позиция звучит в унисон с точкой зрения П.Я. Чаадаева, который был убежденным сторонником того, что особое положение России, раскинувшейся «между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим – на Германию», позволяет ей «сочетать в себе две великие основы духовной природы – воображение и разум» [12, с. 24].

Подводя итог всему вышеизложенному, сделаем следующие выводы:

– Отличительными чертами западной системы образования являются индивидуализм, прагматизм, рационализм и т. п., которые, распространяясь по мировому образовательному пространству, представляют собой угрозу его тотальной дегуманизации. Восточное образование

нацелено на достижение этического идеала, духовно-нравственное развитие, проявление духовности в деятельности, поступках и мыслях, достижение состояния просветления. Очевидно, что европейский индивидуализм в силу своей односторонности не выдержал испытание временем, поэтому европейское образование зашло в тупик: человек, замкнутый сам в себе, отторгается миром, поскольку он приходит в этот мир исключительно ради себя самого [13].

– Система европейского образования (в частности, США и Великобритании), в отличие от восточной, мало внимания обращает на поиск духовной гармонии человека в обществе. Знания, которые получают на Западе, – это всего лишь фрагментарные сведения о мире, где субъект и объект познания находятся на непреодолимой дистанции друг от друга. Неслучайно поэтому универсальность восточных образовательных программ приводит к тому, что ученый на Востоке – это прежде всего универсальный специалист, ученый на Западе, напротив, специалист узкого профиля [14].

– Ориентированность западного образования на материально-производственную деятельность социума, основанную на индивидуализме, привела к образованию, оторванному от воспитания. Как утверждают многие западные ученые, спасение западного образования состоит в изучении и освоении опыта восточных стран и СССР, где воспитание и образование существовали в нераздельном единстве.

– Несмотря на экспансию западного образования, восточное образование остается самобытным, основанным на многовековом социокультурном опыте своих стран. При этом восточные страны успешно адаптируют к своей национальной специфике передовые идеи Запада.

– Современные системы образования Запада, Востока и России находятся в процессе реформирования, помогая друг другу осознать себя, способствуя гармонизации системы образования каждой отдельной страны.

– Один из возможных вариантов выхода из кризиса отечественного образования – ставка на философию образования, имеющую давние традиции и являющую собой универсальную методологию, следование которой обеспечит целостное развитие личности.

Ссылки и примечания:

1. Волкова П.С., Лабутина И.Г. Ментальность как феномен культуры: социально-философский анализ : монография. М., 2013. 130 с.
2. Ашилова М.С. Западная и восточная системы образования: историко-философский анализ // Философия образования. 2012. № 6 (45). С. 138–143.
3. Подробнее по данному вопросу см.: Копенкина Ю.В. Труд Даниила Андреева «Роза мира» в аспекте философии образования // Alma mater. 2016. № 7. С. 115–117.
4. Данилкина Н.В. Образование как предмет философской рефлексии в трудах отечественных мыслителей конца XIX – начала XX в. // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2011. № 11. С. 57–64.
5. Андреев Д.Л. Воспитание человека облагороженного образа // Андреев Д.Л. Роза мира. М., 2013. С. 683–714.
6. Данилкина Н.В. Указ. соч.
7. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Избранные работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 11–68.
8. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1998. 336 с.
9. Волкова П.С., Горбатова О.В. «Гадкий утенок» Г.-Х. Андерсена в анимации У. Диснея и В. Дегтярева: интерпретация и реинтерпретация // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 202–204 ; Выбыванец Э.В. Балет «Фанданго» Л. Любвича в свете мифоритуальности: опыт осмысления // Обсерватория культуры. 2015. № 5. С. 44–51 ; Горбатова О.В. «Бетховен в пространстве кинотекста: «Лекция 21» А. Барикко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2016. Вып. 1 (174). С. 178–183.
10. Бахтин М.М. Указ. соч. С. 23.
11. Баранцев Р.Г. Находится ли Россия между Востоком и Западом? [Электронный ресурс]. URL: www.yro.narod.ru/bibliotheca/Barantsev.doc (дата обращения: 12.08.2016).
12. Чаадаев П.Я. Философические письма // Сочинения. М., 1989. 655 с.
13. Как пишет Д.Л. Андреев, «человек, живущий только для себя, есть даже не ноль, а отрицательная величина в человечестве». Андреев Д.Л. Указ. соч. С. 689.
14. В данном случае уместно говорить о существующем в американской традиции различии употребления понятий occupation (с англ. – 'род занятий, профессия') и profession (с нем. – 'профессия'). Во втором случае речь идет о непрерывном континууме все усложняющихся занятий, самые сложные из которых удостоиваются называться профессиями. См.: Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. М., 2010. 304 с. Различаются также понятия «профессия» и «призвание» (vocation). Знаменательно, что к последнему относятся только такие виды деятельности, как медицина, преподавание и воспитание детей. См.: Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 27.

References:

- Andreev, DL 2013, 'Raising the image of the person ennobled', *Rose of the World*, Moscow, pp. 683-714, (in Russian).
Ashilova, MS 2012, 'Western and Eastern education: historical and philosophical analysis', *Filosofiya obrazovaniya*, no. 6 (45), pp. 138-143, (in Russian).
Bakhtin, MM 1994, 'By the act of Philosophy', *Selected works of the 1920s*, Kiev, pp. 11-68, (in Russian).

- Barantsev, RG 2016, *Is Russia between East and West?*, viewed 12 August 2016, <www.yro.narod.ru/bibliotheca/Barantsev.doc>, (in Russian).
- Brudniy, AA 1998, *Psychological hermeneutics*, Moscow, 336 p., (in Russian).
- Chaadaev, PY 1989, 'Philosophical Letters', *Works*, Moscow, 655 p., (in Russian).
- Danilkin, NV 2011, 'Education as a subject of philosophical reflection in the works of Russian thinkers of the late XIX - early XX century', *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta*, no. 11, pp. 57-64, (in Russian).
- Golovanov, EI 2008, *Category Professional figure: Formation. Development. Title in the language*, 2nd ed., Moscow, p. 27, (in Russian).
- Gorbatova, OV 2016, "Beethoven in cinematic space" Lecture 21 "A. Baricco", *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya»*, vol. 1 (174), pp. 178-183, (in Russian).
- Klimov, EA 2010, *Psychology of professional self-determination*, Moscow, 304 p., (in Russian).
- Kopenkina, YV 2016, 'The work of Daniel Andreev's "Rose of the World" in the aspect of educational philosophy', *Alma mater*, no. 7, pp. 115-117, (in Russian).
- Volkova, PS & Gorbatova, OV 2015, "'The Ugly Duckling" Hans Christian Andersen Walt Disney animation and V. Degtyarev: interpretation and reinterpretation', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 16, pp. 202-204, (in Russian).
- Volkova, PS & Labutina, IG 2013, *Mentality as a cultural phenomenon: social-philosophical analysis: monograph*, Moscow, 130 p., (in Russian).
- Vybyvanets, EV 2015, 'Ballet "Fandango" by L. Lubovitch in light of the mythos-ritual: comprehension experience', *Observatoriya kul'tury*, no. 5, pp. 44-51, (in Russian).